

УДК 001.38 + 519.24

ББК 78.34

РЕАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТРУДА И ИЗМЕРЕНИЯ ЦИТИРОВАНИЯ¹

Мотрошилова Н. В.²

(ФГБУН Институт философии РАН, Москва)

В статье, продолжающей ряд публикаций автора, посвященных проблемам измерения научно-исследовательской деятельности, предпринята попытка доказать, что существуют непреодолимые реальные факторы, препятствующие использованию показателя количества цитирований и индексов цитирования в качестве точных инструментов оценки эффективности научно-исследовательской деятельности. Проблема анализируется на материале, относящемся к прошлому и к современному состоянию философских наук.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, ее эффективность и инструменты оценки, измерения цитирования, реальные факторы цитирования.

1. Введение

В этой статье не ставится задача более полного теоретического осмысления общей проблемы эффективности научно-исследовательской деятельности, не анализируются проблемы целесообразности и конкретных способов использования существующих в мире, в частности, в нашей стране систем возмож-

¹ Первоначальный вариант статьи опубликован в [2].

² Нелли Васильевна Мотрошилова, доктор философских наук, профессор, зав. отд. историко-философских исследования ИФ РАН (Москва, ул. Волхонка, 14/1, тел: (495)697-91-98, motroshilova@yandex.ru).

ного учета публикаций и цитирования. По этим вопросам существует обширная литература. Она включает не только (важные сами по себе) разъяснения специалистов-научковедов, в том числе по вопросам цитирования, но также и реакции, аргументы ученых разных специальностей, общая суть которых – критические суждения о необходимости весьма ограниченного и чрезвычайно осторожного применения данных систем цитирования в практических делах организации и регулирования научно-исследовательской деятельности.

Важное теоретическое и практическое значение для всей этой тематики имеют те актуальные работы, которые специфицируют проблематику цитирования, во-первых, применительно к общественному знанию, во-вторых, к такой особой научно-исследовательской, творческой области, каковой является философия. И в-третьих, совершенно ясно, что во всех случаях нам следует учесть те «затрудняющие коэффициенты» социально-исторического происхождения и характера, которые относятся к развитию науки именно в России и в целом свидетельствуют о том, что отечественные учёные, российское исследовательское сообщество здесь поставлены в заведомо неблагоприятные условия. (Что к цитированию полностью относится.)

Необходимо с самого начала зафиксировать особое обстоятельство, без учета которого накал дискуссий остается непонятным. Предпосылкой и фоном именно в России является не столько сама по себе немаловажная проблема эффективности научно-исследовательского труда в её современном звучании, сколько то, как её предъявили науке в своих действиях и инструкциях те чиновники, которым в последние годы доверили руководить российской наукой. А они, судя по всему, практически исходят из такой убежденности: данные наукометрических служб и систем, прежде всего зарубежных, в частности и в особенности связанные с цитированиями, являются теми долгожданнами количественными и даже качественно толкуемыми показателями, с помощью которых можно и нужно-де точно, объективно оценивать (притом, что называется, повседневно и повсеместно) результаты, эффективность деятельности россий-

ских ученых-исследователей. (См. по этому вопросу документы, представленные в статье А.Ф. Яковлевой в [2].) Существенно, что при этом каких-либо гласных, «именных» экспертных обоснований подобного чиновного подхода исследовательскому сообществу России не предоставляется. Все происходит где-то за кулисами.

Такова расстановка сил, с которой приходится считаться, и мало изменившаяся, до боли знакомая командно-административная практика чиновного регулирования развития науки.

Во избежание кривотолков с самого начала скажу: я не являюсь противником использования – но только в качестве сугубо дополнительных источников – ни подсчета числа российских публикаций, ни даже частоты цитирований и по зарубежным (главным образом американским или американизированным) системам, и по находящейся в процессе становления системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Но после основательного изучения (по крайней мере, применительно к развитию философии в России) я пришла к следующему выводу: ни достаточно объективных, ни репрезентативных, ни действительно точных выкладок – даже применительно к тому, что названные системы обещают (число публикаций отдельных ученых и цитирование их работ) – они не предоставляют и, в силу сложившихся ограничений и выборов, предоставить не в состоянии. (Доказательства этого в отношении философии – в моих статьях «Недоброкачественные сегменты наукометрии» и «Система РИНЦ применительно к философским наукам» в [3, 4]).

Я отстаивала ранее и буду отстаивать в этой статье и более сильный тезис: само по себе число публикаций и цитатных ссылок (даже если бы применительно к реальным людям их было возможно, абстрактно говоря, точно подсчитать, что нереально) абсурдно истолковывать в качестве критериев оценки качества чьего-либо научно-исследовательского труда, его эффективности и результативности. И если сложится такая «практика», при которой с сегодня на завтра, с помощью количества, объема публикаций, цитирований подсчитанных на основе американизированных практик будут, – в России! – отделять

«эффективных» исследователей от «непродуктивных» (и, что ещё хуже, будут приводить в соответствие с этими якобы точными данными штатное расписание и финансирование научных учреждений), – так вот при таком руководстве российской науке, еще не добитой рыночными реформами, грозит, скорее всего, окончательное разрушение...

В этой статье, посвященной проблемам цитирования в науках, хочу специально обратиться к реальной и изначальной исследовательской деятельности, выражающейся в создании соответствующих исследовательских продуктов, – к практике, складывающейся ещё до того, а часто и совершенно независимо от того, как количество цитат кем-то и как-то (впоследствии) подсчитывается. Но когда цитирование уже реально имеется или не имеет места, возникает целая группа вопросов для исследования, объединенных общей темой: как, кого, почему цитируют ученые? Есть ли тут свои закономерности и возможна ли обобщающая типология? При ближайшем рассмотрении становится ясно, что проблема в значительной степени специфицируется и применительно к особым историческим этапам развития науки, и к особенностям научных дисциплин, и к различным типам научной культуры, складывающейся в тех или иных странах. И всё же тут имеется ряд черт, типологически общих для современного исследовательского труда.

Мы рассмотрим проблему под углом зрения специфики философии.

2. К вопросу об исторических особенностях цитирования в философии

Этот вопрос в его деталях и подробностях не изучен. Если оставить в стороне более чем своеобразные древние, средневековые эпохи и инокультурные философские произведения, а ограничиться лишь классическими для философии нововременными европейскими условиями, то на фоне всегда значимых индивидуальных предпочтений и склонностей все-таки просвечивают более общие правила и закономерности. А именно: 1) в более

ранние века Нового времени, вплоть до XIX в., цитирования в философских работах подчас встречаются, но они очень редки, тем более вместе с аккуратными и точными ссылками на те или иные произведения предшественников и современников; 2) чаще имеются упоминания великих имен – вместе с освещением великих идей, но в собственном понимании автора. Приведу примеры, подтверждающие эти констатации.

Так, в великой кантовской «Критике чистого разума» почти нет цитат – в современном смысле этих слов, когда они точно берутся из текстов, выделяются (и потом кем-то подсчитываются). Это не значит, что отсутствует переключка с теми мыслителями прошлого и тогдашней современности, имена которых названы и идеи которых обсуждены. Особенно важные для Канта (в этом произведении) мыслители – Платон, Аристотель, Хр. Вольф, Лейбниц, Юм. (Но прямые цитаты отсутствуют; а теперь напомним: ведь только они, а не простые упоминания имен принимаются во внимание в современных системах учета цитирования.) У Руссо подчас встречаются ссылки и цитаты (например, в труде «Du contrat social...» он цитирует Аристотеля, Макиавелли, маркиза д'Аржансона), но и у него они весьма немногочисленны. Подобное положение с цитированием можно наблюдать в работах Гегеля. Возьмем его великое (авторизованное) произведение – «Науку логики». Здесь тоже есть историко-философские вкрапления-упоминания о древних авторах (Анаксагоре, Платоне, Аристотеле и т. д.), о близких предшественниках (особенно о Канте), но тоже не в форме прямых цитат, а в виде собственного гегелевского изложения их идей. Цитатные ссылки в прямом смысле имеются у Гегеля главным образом на собственные более ранние произведения.

В истории философской мысли последующих эпох складывается своеобразная закономерность: хотя цитаты встречаются все чаще, наиболее самостоятельные, bahnbrechende, как говорят немцы, т.е. прокладывающие новые пути мыслители – это одно-временно наиболее пассивные или совсем плохие «цитатчики». И чем более зрелыми, известными становятся философы, тем настоятельнее такая закономерность проявляется в их трудах.

Яркий пример – философ-классик XX в. Эдмунд Гуссерль. В ранних работах, пока он искал свой путь в философии, ещё цитировались другие авторы (эта тенденция вообще более характерна для молодых ученых). А когда Гуссерль создал новый тип философской феноменологии и стал основателем направления, развивающегося и в наши дни, он (почти) перестал цитировать других авторов¹.

Принципиально важное для нашей темы уточнение: когда ранее говорилось о цитированиях в произведениях философов прошлого, то в расчет принимались их великие книги. Что вполне естественно. (Мне уже приходилось писать: если бы существующая ныне практика учета и подсчета не книг, а только статей – во имя выявления научной значимости идей автора – существовала в прошлом, то пришлось бы вычеркнуть из философии подлинно великие имена и произведения...) Если бы была возможность говорить именно о статьях знаменитых теперь авторов уже XX в. (подобные конкретные исследования есть у меня применительно к малым произведениям таких мыслителей XX в., как Л. Витгенштейн, К. Леви-Стросс, Б. Рассел и др. – но здесь я их вынуждена опустить), то выявилась бы следующая закономерность: чем значительнее, самостоятельнее были эти их работы, тем реже цитировались другие авторы.

Могут возразить: всё сказанное ранее касается классиков философии, а их признание как раз и подтверждается лишний раз огромным множеством цитат, число которых с течением времени растет в геометрической прогрессии. О классиках (здесь – классиках философии) в связи с современным цитированием возможен особый разговор, и он по-своему интересен, например, для историков философии, когда число цитат может подтвердить сравнительную популярность тех или

¹ *Разумеется, здесь, в разговоре о цитировании, принимаются во внимание только опубликованные и авторизованные самим этим философом печатные произведения, а не тысячи страниц рукописных или надиктованных заметок, из которых в последние десятилетия составились многие тома обширнейшей «Гуссерлианы» (в них цитат и не могло быть).*

иных философов прошлого в определенную эпоху, в тех или иных странах. Однако ведь суть обсуждаемой здесь проблемы касается не классиков той или иной дисциплины, и не признанных – например, с помощью премий типа Нобелевской или других престижных премий – «сегодняшних» корифеев той или иной науки. Ибо с признанием их эффективности все в порядке. Скажем прежде всего о ситуации второй половины XX и начала XXI вв.

Выдающийся социолог науки Р. Мертон доказательно раскрыл действенность закономерности, которую он назвал «эффектом Матфея»: ученые, ранее уже обретшие некоторые важные отличия и преимущества (количество и популярность публикаций, степени, звания, премии – и активное цитирование их работ в том числе), будут в увеличивающейся степени получать их и далее (в формулировке ученика Мертона Ст. Коулла: «Прежние заслуги авторов в определенной мере ускоряют распространение их последующих результатов»)¹.

Поэтому, повторяю, проблема и забота при обсуждении проблемы цитирования – не о классиках прошлого, не о «бенефициантах» настоящего (Нобелевских лауреатах), даже не о тех ученых, которые в каждый момент формально или неформально, но реально «стоят во главе» целых научных областей. Ибо о них «позаботились» закономерности и обычаи самой научной практики, включая те, которые пояснены на примере «эффекта Матфея». (Надо надеяться, что чиновное рвение не доходит до того, чтобы у наших – увы, немногочисленных – Нобелевских лауреатов и лауреатов других престижных премий требовать подтверждений их научной состоятельности через цитирование.)

Центры тяжести обсуждаемой практической и теоретической проблемы – в другом. Надо – действительно надо – при осуществлении контроля за наукой: 1) не пропустить всегда так нужных науке «будущих Эйнштейнов» или будущих лауреатов Нобелевских премий, а в социогуманитарных науках – перспективных крупных ученых (что у нас их «пропускают» и даже

¹ *О всей сложности ситуации см. [1].*

даром отдают другим странам, прежде всего США – это печальный факт); 2) не оскорбить, не отпугнуть, не принудить к отъезду в другие страны лучших ученых из той массы исследователей, которые в каждый данный момент нашей эпохи весьма доброкачественно работают в отечественной науке и без которых разветвленная, системная научно-исследовательская деятельность во всех дисциплинах сегодня совершенно немыслима. Иными словами, речь идет об объективной и именно верной оценке их труда в каждый актуальный «момент» их исследовательской деятельности. В связи с этим как раз и возникает центральный в обсуждаемой теме вопрос (проблема): соответствует ли сложившаяся в науках реальная практика цитирования тому, чтобы впоследствии подсчитанные показатели цитирования смогли служить обрисованным выше целям? А сначала вопрос: как ученые цитируют, если вообще цитируют, других авторов?

В чиновных и близких им экспертных соображениях незримо и, возможно, неосознанно присутствуют представления о некоторой почти «идеальной» практике цитирования, т.е. надежда на то, что ученые цитируют друг друга «по делу» или что и при всех погрешностях цитирования точные (по крайней мере сравнительные) показатели эффективности на основе цитатной работы могут быть получены наукометрами (которые, как предполагается, тоже работают «образцово» или просто хорошо). Со всем этим тоже надо внимательно разобраться.

3. Об «образцовых» статьях – с точки зрения цитирования

Можно ли найти статьи ученых, о которых правомерно говорить как об «образцах» с точки зрения цитирования? Прежде всего следует понять, каковы сами эти образцы и кто их устанавливает. По собственному опыту могу сказать, что (по крайней мере внутри философских дисциплин) не приходилось встречать соответствующие критерии и требования в четко выраженной форме и тем более такой, которая была бы где-то и когда-то принята научным сообществом. (Думаю, так же

обстоит дело не только в философии). Поэтому приходится рассуждать, исходя из логики самой проблемы и имеющегося опыта наиболее близкой к тебе дисциплины. С самого начала отметим: в сложившихся условиях проблему приходится рассматривать, прибегая только к статьям как «единицам», учитываемым в существующих системах обсчета, зарубежных и отечественных. В работах ученых, в том числе публикуемых в [5], доказывается: исключение книг как не просто преимущественно важных, но хотя бы равноправных со статьями единиц отсчета есть существенное искажение характера и критериев научно-исследовательского труда. Что особенно сильно затрагивает социогуманитарные дисциплины, включая философию. Это искажение существует также и с точки зрения фактора цитирования: ведь в добротных книгах цитирование нередко более выверенное и систематическое, чем в статьях.

Но при сложившейся практике – повторяю, вопреки особенностям самого современного исследовательского труда – приходится, рассуждая о цитировании, говорить о статьях. Разумеется, и здесь снова надо учесть особенности тех или иных дисциплин.

В философской статье (объема сколько-нибудь разумного для выражения и доказательства развиваемых идей и отстаиваемых утверждений) «образцовое» цитирование было бы связано с выполнением ряда предварительных условий.

1. При осмыслении той или иной научной проблемы должны быть освоены – и впоследствии, в самой статье точно и аккуратно процитированы – главные источники среди имеющейся литературы вопроса. В отдельных случаях (например, в истории философии), где существует вероятность обнаружения новых источников, они по возможности должны быть найдены или по крайней мере упомянуты.

2. Должна быть освоена – и процитирована, опять-таки точно, по самим источникам – мировая литература вопроса, а не только та, которая в данное время, в данной стране «имеется под рукой» (но и последняя тоже должна входить в кадр рассмотрения).

3. Должны быть даны содержательные оценки данной литературы.

4. Литература должна быть взята в максимальной возможной полноте, в свете объективных оценок её значимости.

5. Предполагается, что первичные, вторичные и т. д. источники, имеющиеся на других языках мира, кроме родного, процитированы достоверно (что, в свою очередь, предполагает адекватный перевод по крайней мере цитат из них на родной язык или язык, на котором осуществляется публикация).

Выполнение такого рода строгих требований, особенно, подчеркиваю, в статьях, что понимает каждый, – дело чрезвычайно трудное, а потому и исключительно редкое. Поэтому подобные «образцы цитирования» в каждой дисциплине – это, что называется, «штучный» товар. Так, в области, в которой я работаю, т.е. в истории философии, мне пока довелось встретить совсем немного исследователей, чья работа (по моему, разумеется, мнению и мнению известных мне коллег) отвечает перечисленным требованиям. Это, например, живой классик современного кантоведения немецкий философ Норберт Хинске, чьи глубокие и самостоятельные книги и статьи, посвященные исследованию философии Канта и других мыслителей, отличаются и таким свойством: после него в исследуемых им областях (*и на доступных ему языках*¹) вряд ли может остаться хотя бы один не упомянутый, не процитированный источник, который сколько-нибудь достоин этого. Второй философ – это наш отечественный автор молодой профессор РГГУ Алексей Круглов, занимающийся историей немецкой философии (и прошедший школу Н.Хинске.) Он

¹ *Обратите внимание на подчеркнутые слова. Дело в том, что даже Н. Хинске, живо интересующийся российской философией и, в частности, выпустивший вместе со мною в Германии книгу со статьями наиболее авторитетных российских кантоведов, сам не владеет русским языком. И стало быть, даже в его образцово-полных исследованиях, по цитированию, нет цитат из литературы вопроса на русском языке...*

осуществил уникальное (пока) исследование рецепции философии Канта в России, введя в научный оборот большое количество малоизвестных, вовсе забытых или обнаруженных им самим материалов. (И если бы в нашей стране хоть как-то умели ценить подобный вклад в тщательнейшие исследования отечественной культуры, он заслуживал бы, по моему и не только по моему мнению, престижных премий и отличий, подобных тем, которые в Германии или Франции присуждаются даже зарубежным ученым, имеющим заслуги в исследовании немецкой и французской культуры, включая философию.)

Но от примеров вернемся к нашей общей теме. Если и полезно говорить о таких образцах для подражания, то можно ли надеяться на реальное следование им? Уверена: «образцовое» цитирование в науках именно такой штучный товар, который куда более редок, чем высококачественное исследование. О трудностях на путях даже к не-образцовому цитированию скажем позже. А пока предварительно констатируем то, что представляется очевидным: подавляющее большинство научных статей составляют такие, которые не дают ни «образцового», ни даже «средне-нормального» цитирования, а иногда лишены его полностью.

Теперь, снова возвратившись к моему примеру, разберем такой вопрос: учтен ли научный вклад самих авторов подобных образцовых работ в существующих сетях цитирования? И снова же ответ характерен, по-своему типологичен. Относительно Н. Хинске у меня нет точных данных, но на основе чисто эмпирического опыта изучения соответствующей зарубежной литературы могу сказать: его в кантоведении цитируют весьма часто. Но всё дело в том, что кантоведение, при всем его значении для истории философии – сравнительно ограниченная, «узкая» область исследования. И поэтому уровень цитирования его работ и работ других кантоведов – в сравнении с другими популярными европейскими авторами более широкого проблемного диапазона – будет существенно ниже (Хотя Н. Хинске, как я отметила, считают одним из классиков в его области исследования.)

В случае А. Круглова вступают в силу и другие (наряду с более узкой специализацией) негативные (применительно к делу цитирования) факторы. И последние, подчеркну, также имеют типологический характер именно для 1) относительно молодых перспективных исследователей – и, в частности, таких, которые 2) выбирают как бы запущенные в данный момент области, становясь в них своего рода первопроходцами. А если это 3) российские исследователи, хотя бы реально или потенциально мирового класса, то неблагоприятное положение усугубляется. В частном случае А. Круглова тот упомянутый факт, что он 4) пишет книги, и как отмечено, замечательно профессиональные, как бы завершает грустную картину. Ее общее, типологическое значение заслуживает быть специально зафиксированным. А именно: в силу реально сложившихся условий «зеркало» цитирования особенно кривое и неблагоприятное для молодых ученых-новаторов, дерзающих выбирать ещё не пройденные пути, при довольно узкой специализации, двигаться по ним оригинально, и осуществлять фундаментальные, системные исследования (чаще всего воплощающиеся в книгах). Итак, вроде бы постулируемая задача способствования молодым научным талантам существенно противоречит использованию показателей цитирования как раз на линии отыскания «таланта выше среднего». Таковые таланты (по крайней мере в философии) могут попасть в «сети цитирования» лишь в виде исключения и совершенно случайно. Между тем элементарный опрос ученых соответствующей области (разумеется, проведенный профессионально) помог бы достаточно быстро «засечь» уже появившиеся таланты! (Из них совсем не обязательно вырастут крупные ученые, но это все же в высокой степени вероятно).

Теперь, после обсуждения проблемы редчайших «образцов» цитирования вернемся к наиболее массовым способам цитирования в науке.

4. Как и кого обычно цитируют ученые?

Картина, которую я далее набросаю, вряд ли порадует читателей – и не только чиновников, свято верящих в точность «показателей цитирования», но и самих ученых. Но я призываю всех нас к максимальной честности в ответах на поставленный вопрос.

Сначала о типологических факторах, внешних, так сказать, объективных, отклоняющих даже от приличного – с точки зрения совсем не суровых требований – цитирования при написании статьи.

4.1. ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Обычная статья пишется за относительно короткое время, определяемое заказом на неё из определенного журнала, актуальными задачами самих ученых (сделать её к отчетному сроку и т. д.). Сегодня, когда цитирование всё-таки считается необходимым, оно обычно выполняется соответственно возможностям, например, уже найденным или быстро находимым источникам, из которых приводятся цитаты. Понятно, что результат (по цитированию) весьма далёк не только от «образцов», но даже и от того объема источников, который сам автор – при «идеальных» обстоятельствах, которых ведь никогда не бывает – был бы склонен и готов процитировать. Словом, фактор времени можно счесть скорее отклоняющим от целей надежного и объективного цитирования, нежели приближающим к ним.

4.2. ФАКТОР ОБЪЕМА СТАТЬИ

В статье обычного объема цитаты, что вполне объяснимо, должны занимать относительно скромное место. Это склоняет к сокращению цитат даже тех авторов, которые накопили для этого обширный материал, но больше чем устраивает тех авторов, которые и не стремятся к сколько-нибудь репрезентативному (для их тем и проблем) цитированию и облегчает многим из них подход к цитированию как некоему принятому ритуалу. Его, этот ритуал, вроде бы надо соблюсти, но он же считается не

слишком важным очень многим авторам (признаемся в том честно).

4.3. ФАКТОР ДОСТУПНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Относительно трудностей цитирования зарубежных работ по темам создаваемой статьи вопрос более или менее ясен: необходимо не просто знать соответствующие языки, быть в общем виде информированным насчет важности работ, но и попросту иметь к ним доступ. Сегодня, в эпоху интернета, доступ несколько облегчается, но главные трудности все же остаются. Поэтому здесь остается много недочетов и претензий к отечественным исследованиям. Но и с доступностью отечественных источников всё в последние десятилетия обстоит из рук вон плохо: советская система распространения научных изданий по всей стране похоронена, так что в провинции узнать о новой книге или журнале и тем более заполучить их, как правило, практически невозможно. И наоборот, ученые центральных городов, как правило, не цитируют своих коллег из рассеянных по всей стране научных центров, ибо попросту не информированы об их работах или не добираются до них. В результате – отсутствие даже возможных цитирований и многие несправедливые перекосы в этом деле... И особенно в такой большой стране, как наша: мы сильно проигрываем малым странам и в цитатном отражении отечественной литературы.

4.4. ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА НАУКУ СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Имеется в виду то, что в науке, как и во всей жизни общества, имеются формы и ступени социально-идеологического господства-подчинения. В разные эпохи и в разных странах их влияние варьируется. Степень же этого влияния во многом зависит от характера дисциплин. Например, и в советское время было нелепо предположить цитирование речей генеральных секретарей КПСС, скажем, в научных работах по математике. Но в диссертациях, и даже по естественным наукам, полагалось приводить подобные цитаты. А в биологии одно время «победи-

телем» по цитированию, скорее всего, стал бы печально известный «народный академик» Т.Д. Лысенко... Что касается философии, то влияние этого фактора было очень сильным. Если бы о научных заслугах отечественных философов 40–50-х гг. XX в. судили по цитированию, то составил бы список «авторов», в наше время с полным основанием забытых. И наоборот, философы, в 60–70-х гг. образовавшие когорту авторов исследовательского круга и в последующие десятилетия признанных с точки зрения их научных заслуг, в это раннее время их работы никак не были и не могли быть «чемпионами» по цитированию. Итак, для некоторых длительных времен и эпох актуальные цитирования не только неспособны стать показателями уровня эффективности научных исследований и вкладов – они, как правило, дают искаженную, превратную картину исследовательской реальности. Впоследствии, правда, эта картина существенно корректируется. Но ведь в нашем контексте речь неизменно идёт об актуальном, «сегодняшнем» цитировании и его значении для науки.

Однако и в наши дни, во времена куда более свободные от прямого давления господствующей идеологии, в том числе в социогуманитарных дисциплинах, существует не только немало искажающих внешних факторов – к ним присоединяются и субъективные, внутренние влияния, тоже делающие показатели цитирования сугубо неточным мерилем эффективности. Далее – о некоторых факторах субъективного ряда, которые можно считать типологически распространенными и правомерно присоединить к ранее перечисленным.

4.5. ФАКТОРЫ ЗАВИСИМОСТИ УЧЕНЫХ ОТ НАЧАЛЬСТВА, ОТ ФОНДОВ И Т.Д.

Приходится учитывать такие, например, осложняющие обстоятельства: среди цитат (и даже в числе соавторов) в научной статье могут быть такие, которые не связаны с научными заслугами (как правило, весьма скромными или отсутствующими) цитируемых или упоминаемых «деятелей». Все здесь подчас определяется какой-либо зависимостью авторов статей от раз-

ных категорий людей, работающих в науке – ими могут быть руководители, реально в исследованиях не участвующие или участвующие очень мало, или люди, от которых зависит распределение грантов, других средств и т. д.

В академической среде распространено цитирование ученых – членов Академии, особенно в случаях, когда тот или иной цитирующий автор имеет академические амбиции, т.е. рассчитывает войти в элитарный научный корпус, а потому цитирует, иногда совсем не к месту, как говорится, «всуе», членов своего отделения АН и т.д.

Тут надо сделать очень существенную оговорку, которая, кстати, тоже снижает значимость именно фактора цитирования. Сегодня не цитирование подтверждает уровень научных заслуг членов АН. Например, в философии, в отличие от прежних времен (когда члены академии были, как правило, «верными последователями учения Ленина–Сталина», частенько назначенными в Академию самим Сталиным), членами академии чаще всего становятся признанные философским сообществом ученые-исследователи. И ведь не цитирование выделило их: как раз на более ранних стадиях формирования их научной деятельности, именно в советское время, они подчас слыли и были неортодоксальными авторами, так что сильно уступали по уровню цитирования ранее упомянутым ортодоксам. Сегодня, конечно, их цитируют достаточно часто, но в целом их реальное признание всё-таки основывается в главном не на цитировании их работ (в составе которого практически невозможно отделить и вычесть цитирование «всуе»), а на других, более существенных для науки факторах. Я бы сказала так: это (в основном) люди, которым, несмотря на все социально-идеологические препятствия, также и в философии удалось сделать своего рода открытия и стать лидерами целых научных направлений. (В каждом случае требуются конкретные обоснования, и их вполне можно представить.)

Не в пользу фактора цитирования в случае членов АН можно оттенить уже иное, никак не относящееся к их заслугам обстоятельство: когда их цитируют «всуе», они – по цитирова-

нию – обходят своих коллег, не имеющих таких званий, но не уступающих им по уровню научных заслуг и реальному признанию со стороны научного сообщества: последние, не состоящие в Академиях, не имеющие отношения к распределению фондов и т.д., цитируются в куда меньшей степени, что также искажает общую картину того, «кто есть кто» в данной научной области.

4.6. ЧИСТО СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Реально определяющие уровень цитирования других авторов и искажающие картину реального признания в (той или иной) науке, довольно многочисленны и здесь могут быть упомянуты лишь кратко, без детального рассмотрения.

– Влияние личных отношений все же достаточно основательно: некоторые авторы вообще не цитируют коллег, которые им по тем или иным (вненаучным) обстоятельствам несимпатичны и, наоборот, обильно цитируют ближайших соратников, друзей, помощников, учеников и т.д. вне зависимости от научного качества работ этих последних. Отсюда особое отличие результатов: по наличному цитированию подчас можно вычлениить некоторые кластеры, свидетельствующие о группировках в науке, или, выражаясь более обыденно, внутринаучных тусовок...

– Влияние «моды» внутри науки тоже имеет место и прямо отражается на цитировании. Механизм её воздействия похож на тот, что описан у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Она любила Ричардсона, не потому чтобы прочла... Но в старину княжна Алина, её московская кузина, твердила часто ей о них...». Подобные синдромы – «не потому чтобы прочла» и следование мнению «московской кузины» – в особой форме влияют на науку. Один пример: сейчас очень модно цитировать Мартина Хайдеггера (цитировать по одному-другому переводному источнику, подвернувшемуся под руку). Я спросила диссертанта, защищавшегося по той теме ранней средневековой философии, в которой Хайдеггер отнюдь не является экспертом, зачем именно в этом случае цитировать столь сложного автора без вхождения в детали (перевода и т.д.). Ответ был характерным: для «совре-

менивания», для «оживления»... Иными словами, в силу следования сложившейся моде. Подобным образом цитируют некоторых модных сегодня отечественных авторов. Сказанное отнюдь не означает, что они вообще недостойны цитирования. В некоторых случаях весьма достойны. Но в иных контекстах и на других условиях – не по принципу «не потому чтобы прочла...» Кстати, для оценок действительного влияния того или иного философского учения (в том числе и такого популярного, как философия Хайдеггера) такие феномены модного цитирования скорее вредны, чем полезны, ибо тут перед нами «модные шумы»...

– А значит, от ранее рассмотренных факторов всего более страдают (с точки зрения показателей цитирования) те молодые и зрелые авторы, темы исследований которых – мы о них ранее говорили – специальные, новые, казалось бы, частные, но очень важные для той или иной дисциплины. И снова подчеркну: дискредитированы те ученые, которые пишут обстоятельные книги, иногда объемные, требующие длительного, последовательного, внимательного изучения и вполне достойные этого. Особенно важен фактор спешки, поверхностного чтения или вообще его отсутствия в условиях сегодняшнего времени, когда большинство ученых не могут избавиться от влияния исторически обусловленных способов повседневной жизни. Ныне это – высокие «скорости» всего и вся, «суета сует», от которых не уберегается и научно-исследовательская практика. В России к этой «суете сует» последних десятилетий присоединились дополнительные факторы: мизерные заработки в науке и необходимость, особенно для более молодых поколений, где-то подрабатывать, чтобы жить, и многое другое. И тогда, в частности, манера «цитировать», почти или совсем не читая вроде бы упоминаемого автора, становится своего рода эпидемией... Ко всему тому, что ранее сказано о реальном цитировании в науках и что, скорее всего, имеет интернациональное значение, добавим еще один фактор, относящийся к России. (И, быть может, еще к ряду стран с так называемыми редкими языками.)

О неблагоприятной, несправедливой ситуации, сложившей-

ся применительно к российскому сообществу, много писали отечественные ученые¹.

Зафиксирую исходное и сейчас вряд ли исправимое положение (имея в виду прежде всего лучше знакомую мне картину, касающуюся философских наук) и специфицируя его применительно к фактору цитирования.

В то время как наиболее продвинутые российские философы разных специализаций достаточно активно и грамотно цитируют релевантные их исследовательским занятиям работы западных и восточных коллег, у наших зарубежных коллег (особенно в Европе и США) начисто отсутствует привычка цитировать российских авторов. Прежде всего, конечно, работы, написанные и опубликованные на нашем родном языке. Но не только их: даже философы, знающие своих российских коллег, подчас публикующие свои статьи в европейских изданиях, что называется, рядом с российскими авторами, которым они нередко устно выражают свое одобрение, не спешат когда-либо и где-либо процитировать российских ученых. Так складывается не просто асимметрично-несправедливое, но и по-своему парадоксальное положение. А именно: ученые-россияне, при таких условиях исправно цитирующие западных авторов, даже вносят свой «вклад» в закрепление подобной асимметрии: ведь они-то, добросовестно и регулярно цитируя зарубежных коллег на языках оригиналов (притом в весьма богатом разнообразии последних), как бы закрепляют их преимущество, если оно регистрируется с помощью фактора цитирования.

¹ *Моя статья, опубликованная первоначально в «Вестнике РАН» и обсуждавшая ту ситуацию, которая исторически сложилась по отношению к современной отечественной философии и отражает не просто её слабую представленность, а фактическую непредставленность в системах Web of Science, перепечатана в [3].*

5. Общие выводы относительно фактора цитирования

Главные, пожалуй, субъективные соображения, влияющие на практику цитирования, состоят в том, что и не всегда сформулированной ясно следующей принципиальной убежденности большинства ученых, в том числе современных: как число публикаций, так и особенно число цитирований в их работах (даже при нереальном для сегодняшнего дня условии точного их подсчета) не могут служить ни главными, ни даже второстепенными индикаторами качества научно-исследовательского труда – и тех, кто цитирует, и тех, кого цитируют.

Не сильно расходятся с этими убеждениями и профессиональные выкладки таких признанных социологов науки, как Р. Мертон. Он, правда, социологически осмысливает те более поздние этапы научно-исследовательской работы, когда фактор цитирования уже вошел в научную практику и когда социологи науки стали говорить, подобно Мертону: ссылки и сноски настоятельно нужны, и они даже могут стать «главным элементом системы стимулирования научного труда и лежащих в её основе представлений о справедливом распределении, которые во многом способствуют ускорению научного прогресса»¹. Но это, так сказать, в идеале, который должен быть построен – и это главное – на целой системе, принадлежащей к тому виртуальному, так сказать, «высшему суду» в науке, куда входят прежде всего качественные и длительные оценочные факторы. Например, «ономастика», т.е. присвоение имени определенных ученых тем или иным научным законам или формулам (закон Ньютона и т. п.). Использования подобных достижений столь многочисленны, что их подсчет невозможен – здесь и не требуется прямых цитат.

Упоминания великих имен в любых науках – фактор, не принимаемый в расчет в системах цитирования, на деле весит

¹ *Об отношении к проблеме Р. Мертона см. [1, С. 199, 201, 204–208].*

много больше, чем прямые цитаты. Наконец, в вышеупомянутую систему входят не прямо подсчитываемые и трудные для учета, но все же уловимые и очень важные факторы негласного признания в каждой науке в любой данный момент её функционирования. Суждения и оценки друг другом членов научного сообщества – при всей их субъективности, при всех трудностях их учета и обобщения – могли бы много успешнее служить одним из параметров качественной оценки научного труда. При этом можно было бы, как ранее сказано, достаточно оперативно опознавать молодых ученых, которых ещё не цитируют скольконибудь активно, но которые уже успешно приобретают реальный вес в науке.

На фоне всей совокупности упомянутых (и не разобранных аналогичных) факторов практика цитирования, взятая с чисто количественной точки зрения (и тем более учтенная с не раз упоминаемой высокой неточностью существующих систем), могут скорее усложнить, затруднить получение реальной картины эффективности труда в актуально развивающейся науке¹. В крайнем случае их можно принимать во внимание как совокупность сугубо неточных чисто количественных показателей даже не второстепенной, а куда меньшей значимости. Но в обстоятельствах, когда им придают первостепенное значение, все чревато ошибками и вредными, необъективными выводами и большими затратами времени, в том числе драгоценного времени самих ученых. Если им для отчетов перед высшими

¹ *Я не разбираю аргументацию, иногда приводимую в пользу преимущественной опоры на практику цитирования. Когда признают: да, она ненадежна и неточна, но может использоваться для сравнительных оценок (ибо она неточна-де в равной мере для каждого ученого). Но из того, что говорилось ранее, следует: непригодность сложившихся практик учета цитирования обусловлена в том числе их неточностью, которая имеет дискриминационный, несправедливый характер, причем не только по отношению к отдельным ученым, но к целым странам с неслабыми научными центрами.*

чиновными инстанциями придется собирать заведомо неточные данные и показатели...

Литература

1. МОТРОШИЛОВА Н.В. *Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль*. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 193–209.
2. МОТРОШИЛОВА Н.В. *О реальных факторах, объясняющих неоправданность истолкования показателей цитирования как точных инструментов оценки эффективности научно-исследовательского труда* // Сб. «Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», Рос. акад. наук, Ин-т философии / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: ИФ РАН, 2012. – С. 118–135.
3. МОТРОШИЛОВА Н.В. *Недоброкачественные сегменты наукометрии* // Сб. «Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», Рос. акад. наук, Ин-т философии / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: ИФ РАН, 2012. – С. 33–59.
4. МОТРОШИЛОВА Н.В. *Система РИНЦ применительно к философским наукам* // Сб. «Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», Рос. акад. наук, Ин-т философии / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: ИФ РАН, 2012. – С. 76–98.
5. *Сборник «Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований»*, Рос. акад. наук, Ин-т философии / Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов. – М.: ИФ РАН, 2012. – 159 с.

REAL FACTORS OF SCIENTIFIC ACTIVITY AND CITATION COUNT

Motroshilova Nelly, head of the department of history of philosophy, Institute of Philosophy of RAS (Moscow), Volkhonka, 14/1.

Abstract: In this article, which presents the part of the author's publications devoted to problems of measuring scientific activity, the attempt is undertaken to demonstrate that there are the inevitable real factors of research activities being an obstacle to the use of citation count and the other citation indices as of precise instruments of research activity performance assessment. The problem is analyzed on the basis of materials from the past and contemporary state of the philosophical science.

Keywords: scientific research, real factors of citation activity, measures of the effectiveness of research work.

Поступила в редакцию 01.03.2013.

Опубликована 31.07.2013.